

Баки разбудили шершавым тёплым языком по щеке. Он не сразу понял, что происходит, где он, пока не открыл глаза. По обычаю, он лежал рядом со Стивом под шкурами, крепко прижимая тонкое тело к себе рукой. Щенята проснулись первыми и не иначе как от голода принялись вылизывать ему лицо. В дымовом окошке стояла темнота, а значит, он проснулся до рассвета.

Простонав — от лежания на одном боку у него затекло всё — Баки поднялся, закинул ровно, незаметно дышащего друида обратно шкурами и выбрался наружу. Нужно было умыться снегом и справить нужду. Глупые щенята увязались за ним, тут же принявшись бегать вокруг землянки, обнюхивая всё. Баки даже успел подумать, что не будет сожалеть, если те убегут в лес и не вернуться. Однако те, обежав несколько кругов, закрутились под ногами, с интересом обнюхивая жёлтое пятно на снегу.

— А ну, иди-ка сюда, — он присел и схватил одного щена за шкуру, поднёс к лицу поближе, рассматривая острую смешную морду и поджатый между лапами хвост. Это был мальчик. Затем Баки сунул щена мордой в свою лужу на снегу, приговаривая: — Запоминай. Теперь я твой вожак.

За вторым волчонком пришлось погоняться, но как только Баки закинул первого за шкуру, второй тотчас прибежал и принялся тыкаться носом в щель, откуда веяло теплом. Баки поймал его и тоже вывалял в своей моче. Волчонок был сухой, оттого и норов проявлял совсем другой. Но, как понял Баки, без брата она никуда.

— Тем самым как вожак нарекаю вас Хьялги и Хмага, — торжественно произнёс он сиплым голосом, приблизившись к перепачканной в снегу щенячьей морде. Хмага попыталась цапнуть его за нос, и Баки невольно рассмеялся, отпрянув. И сам растерялся, как неожиданно забыто, непривычно, хрипло звучал его смех. И как вдруг стало приятно и тепло от него внутри.

— Грей Стива, — строго приказал он скулящей Хмаге и зашвырнул за шкуру, туда, где понятливый Хьялги уже свернулся клубком у друида под боком. А сам стянул едва схватившихся от холода перепелов и ушёл поближе к лесу щипать и потрошить их. Когда было чем, он всегда подкармливал лесное зверьё несъедобными частями туш, остатками костей или требухой. Просто потому, что видел, как друид делал то же самое.

Волчата добавили ему хлопот. Они были неугомонными и отказывались понимать слова. Они нагадили на его лежанку, и тогда разъярённый Баки выкинул их вместе с мокрыми тряпками за шкуру и долго объяснял, где следует гадить и как. Он понятия не имел, дошли ли до волчат его слова. Они жали уши и подползали всё ближе к шкуре, обратно к теплу. Но больше в землянке Баки не находил их пакостей. Он кормил их, разрезая тушки птиц и зайцев, давая волчатам лизать кровь и требуху. Те обвыклись очень быстро, перестав его бояться и постоянно крутятся под ногами. Баки ворчал и отталкивал их, но однако же не мог не улыбаться в отросшие усы и бороду на их мельтешение.

Он не решился брать волчат с собой, когда собрался в деревню за молоком. Поэтому приколот снаружи шкуру кольями в нескольких местах, чтобы щенки не выбрались, и отправился через лес.

— Йоль совсем скоро, — сказала ему женщина, передавая в руку шербатый горшок с тёплым козьим молоком. Оно пахло очень вкусно и парило на холоде. — Не приходи несколько дней. Мы не вынесем тебе ничего.

Баки только молчаливо кивнул. Он знал, что сможет растянуть этот горшок на несколько дней, и молоко не должно закиснуть, если хранить его на холоде. На всё воля богов.

Ведь в то же время отказ означал, что ему не обязательно идти на охоту за свежей дичью. У него была туша волчицы, и её хватит надолго. Если, конечно, он сможет отрубить от неё хоть небольшой кусок для приготовления похлёбки. Он достанет из подпола остатки крупы и сварит сытную кашу. Чтобы, когда Стив очнётся, ему было чем покормить его.

Что может всё обернуться как-то иначе, Баки не давал себе думать. Он устал. Устал быть один и потерялся, не понимая, зачем всё это делает. Даже зверь внутри молчал, наострив уши и чуть вздыбив шерсть на загривке, в преддверии Йоля. Чужая, что духи подступают всё ближе к землянке. И не смел показывать свой норы.

В утро первого дня Йоля Баки поднялся до рассвета. Выпустил щенков поскакать по свеженасыпанному снегу, умылся сам и набрал в деревянное ведро снега, чтобы стаять его и обмыть Стива. Было морозно. И так тихо, словно весь мир вокруг замер, поджидая поворота на весну. Ветки деревьев и лапы елей грузно клонились под тяжестью снега. Едва слышно чвиркала неугомонная пичуга в чаще — и всё. Баки постоял немного, пока волосы на голой груди его не покрылись налётом инея, затем свистнул волчатам, и те со всех лап, утопая в снегу, кинулись к нему.

Друид исхудал ещё больше. Баки ожидал этого, и всё же жалость и досада грызли его. Странно было касаться тонкой тёплой кожи, которая обтягивала твёрдые кости. Странно было не испытывать больше испепеляющего желания завладеть этим телом — словно что-то перевернулось, переплавилось у него внутри. Он просто хотел, чтобы друид вернулся к нему. Чтобы начал принимать его. Разговаривать. Баки многое бы отдал, чтобы Стив начал считать его частью своей лесной жизни. Чтобы улыбался и смеялся ему в ответ. Чтобы не отворачивался от поцелуев. Чтобы сам хотел — и забирался к нему под шкуру, притираясь горячей кожей.

Баки отдал бы многое, если бы друид просто очнулся и продолжил жить своей странной жизнью. Теперь он мог бы смириться и не желать большего.

Завернув Стива в шкуры и покормив щенков, Баки выбрался наружу к поленнице. Нашёл там самое толстое, самое длинное бревно, и поволок его к землянке. Йоль в его доме встречали так. Одно бревно заканчивает цикл, и оно же начинает новый. Только так, и никак по-другому. Всё, что им предстояло — это выдержать ночь без огня. Потому что в Йоль огонь тушили с закатом, и новый разжигали только с первыми лучами солнца, помогая богине возродиться в новом дне. В его замке, Баки помнил светлые моменты своего детства, все собирались в большой зале, приносили с собой все тёплые покрывала и шкуры, какие только были, и устраивались на ночёвку перед остывающим камином. В эту ночь старались не спать. Рассказывали йольские сказки, дети бегали друг за другом, надеясь согреться. Звучали старые

легенды рода. Кто-то, кто умел играть, брался за флейту или виолу. Все грелись друг другом, с нетерпением ожидая рассвета. И он всегда наступал.

Баки отчётливо помнил, как мать говорила ему: в Йоль люди вспоминают, что у них внутри тоже есть огонь, и от него можно греться. Йоль объединяет всех под одной крышей, чтобы никто не ушёл за грань в эту ночь — чтобы близкие не дали этому случиться, вовремя придержав за руку. И ещё мама шёпотом говорила ему, что так закладывается движение веретена судьбы — как поведёшь себя в ночь судьбы, что увидишь, скажешь ли — так и будут идти дни рука об руку с новорожденным солнцем.

Для Баки никакого мистического смысла не существовало. Зато была прекрасная возможность не спать ночью и толком не слушаться, бегая по каменной зале и наступая родственникам на ноги. Ещё было вкусное угощение, которого стоило дожидаться несмотря на все запреты. И только спустя много лет Баки понял, как это вынужденное собрание всех прибывших в замок родичей в одной зале объединяло. Объединяло и сближало их с отцом, и братьями тоже. И как мама тепло улыбалась отцу, гордо неся свою сложную роль хозяйки и управительницы на все тринадцать ночей Йоля на хрупких плечах.

Сейчас всё это было так далеко, так не по-настоящему. Словно приснилось в одну их беззвёздных ночей под завывание ветра.

<http://erolate.com/book/3459/83632>